

John
REED
1887–1920

ДЖОН
РИД

*Десять дней,
которые
потрясли мир*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 49

Перевод с английского Александра Ромма

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Сергея Чехонина

ISBN 978-5-389-14244-2

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ФОН

В конце сентября 1917 года в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он наслышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: «Земля — крестьянам, заводы — рабочим». Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильны. Имущие классы становились все консервативнее, а массы — все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции, революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными «умеренно»-социалистическими группами — меньшевиками-оборонцами и социалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27 (14) октября официальный орган «умеренных» социалистов писал:

«Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт

тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: „Поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...“».

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами как с людьми; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты попадали за решетку, так как пытались провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того, желающих вернуться политических эмигрантов не пускали в страну как «нежелательных» граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и бросали в тюрьму за революционные действия, совершенные в 1905 году.

На все многочисленные и многообразные выражения недовольства народа у «умеренных» социалистов был один ответ: «Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре». Но массам этого было мало. Учредительное собрание — вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было,

революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно...

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу... Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Указом социалистического министра труда рабочим комитетам было предписано впредь собираться только в нерабочее время. На фронте «агитаторы» оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались, и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались «умеренными» социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства. В сентябре 1917 года разразился кризис. Керенский и «умеренные» социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

Отношение народных масс к «умеренным» социалистам отчетливо выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете «Рабочий путь» и озаглавленной «Министры-социалисты».

«Возьмите их послужной список:

Церетели — разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым „усмирил“ революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев — начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100 % прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев — посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов — подписал царский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков — вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петрограда этому „спасителю“ отечества только по не зависящим от него самого обстоятельствам.

Зарудный — получив согласие Алексинского и Керенского, засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат.

Никитин — выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский — но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен...»

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял резолюцию, которая начиналась так:

«Требовать от Всероссийских комитетов Совета Р., С. и Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица, позорящего и губящего своим бес-

стыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею и весь революционный народ...»

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков...

С тех пор как в марте 1917 года шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную думу взять в свои руки верховную власть в России, именно массы народные — рабочие, солдаты и крестьяне определяли каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия — «никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов»; и опять-таки в июле именно они, еще не организованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, требуя передать всю власть Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними народные массы, лишённые вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону — Сент-Антуанское предместье Петрограда. Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев вынуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой, доказывая, что большевики — немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений: документы, якобы доказывавшие существова-

ние германского заговора, оказались подложными¹, и большевиков одного за другим освобождали из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без залога, так что в конце концов в заключении осталось всего шесть человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг «Вся власть Советам!» — и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало «умеренным» социалистам — их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону. Сентябрьские муниципальные выборы в больших городах были показательны: среди избранных оказалось всего только 18% меньшевиков и социалистов-революционеров против 70% в июне...

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов — особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников — относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета

¹ Часть пресловутых «Документов Сиссона». — *Дж. Рид*.

и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколения... Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку — партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил. Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии «Преступление царя» было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за «оскорбление императора». Определенные газеты начали вздыхать по «русскому Наполеону». В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов «советом собачьих депутатов».

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом Степаном Георгиевичем Лианозовым — «русским Рокфеллером», кадетом по политическим убеждениям.

«Революция, — сказал он, — это болезнь. Рано или поздно иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как „пролетарская диктатура“ и „мировая социальная революция“... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...»

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

«Что до большевиков, то с ними придется раздельваться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... *Или если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия...*»

Наступала зима — страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: «Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции». На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, утратившие всякий энтузиазм. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко обвиняли буржуазию в том, что она покушается на жизнь народа, разваливая фронт. Рига была сдана непосред-

ственно после того, как генерал Корнилов во всеуслышание заявил: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?»

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитации революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в тот момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции — даже Временному правительству — и открыто говорила об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих «законность и порядок...». Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают — «Вильгельма или большевиков». Десять против одного высказались за Вильгельма.

Воспользовавшись всеобщей разрухой, спекулянты наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию. В течение пер-

вых четырех месяцев революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищалось продовольствие, так что имевшийся там двухгодовой запас зерна сократился до такой степени, что его не хватило бы и на месяц. Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля за фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов хранились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков тайным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: «Трусы!» — они «стыдились быть русскими»... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими «грабителями».

Под всей этой внешней гнилью тайно и очень активно копошились темные силы старого режима, не изменившиеся со времен падения Николая II. Агенты пресловутой охраны все еще работали за и против

царя, за и против Керенского, — словом, на всякого, кто платил... Во мраке действовали всевозможные подпольные организации, как, например, черные сотни, стараясь восстановить реакцию в той или иной форме.

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: «Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии, спекуляции, измене... Революция в опасности и с ней — общее дело народа во всем мире!»

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из Средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции — политическую и социальную — в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни»...

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, невероятно консервативной. Нам очень быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона как «враги народа», Керенский стал «контрреволюционером», «умеренные» социалистические вожди — Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев оказались слишком

реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле...

Сентябрь и октябрь — наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрерывно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая, чем когда-либо, ввиду полного развала городского хозяйства. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам — частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами — горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Растет бандитизм и грабежи. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану с заряженными ружьями в руках. Так было при Временном правительстве.

С каждой неделей продовольствия остается все меньше. Хлебный паек уменьшился с $1\frac{1}{2}$ фунта до 1 фунта, потом до $\frac{3}{4}$ фунта, $\frac{1}{2}$ фунта и $\frac{1}{4}$ фунта. Наконец, прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, то есть по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под холодным дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в очередях. Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще в 1915 году, — и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 года окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим плохо одетым людям выстаивать целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму! Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства...

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навзничью лицом к пустой царской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы

женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую публику...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи — но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта — о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь, или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались как с животными и которой почти ничего не платили, обретала чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого.

В новой России каждый человек — все равно, мужчина или женщина — получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и удивительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты тоже создали профсоюз и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут» или «Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты вели борьбу с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт, силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации — фабрично-заводские комитеты¹. Вся Россия училась читать и действительно *читала* книги по политике, экономике, истории — читала потому, что люди хотели *знать*... В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу с невероятной силой. За первые шесть месяцев революции из одного только Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая,

¹ См. «Вступительные замечания и пояснения». — *Дж. Рид*.

разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

Затем — слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи — в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов — кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков, — съезды Советов, кооперативов, земств¹, национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь

¹ См. «Вступительные замечания и пояснения». — *Дж. Рид*.

дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь *почитать?*»

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александрийского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты, хотя вместо свирепых городских улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция, — тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее...

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым, который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание Сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс...

ГЛАВА II

РОЖДЕНИЕ БУРИ

В сентябре на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский был под подозрением. Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-революционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии — кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако возмущение народа было настолько велико, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров с Керенским во главе, которая и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы — как «умеренные», так и революционные — в страстном порыве к самозащите. Корниловых

больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед всеми теми, кто поддерживает революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно было открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и передачи ему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшимися Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы¹, представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов.

Как раз в это время большевики завоевали большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что, в конце концов, Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании, выделив гораздо больше мест кооперативам и другим консервативным организациям. Но даже и это специально подобранное совещание сначала высказывалось за *коалиционное правительство без кадетов*. Только открытая угроза Керенского уйти в отставку и отчаянные вопли «умеренных» социалистов, что «республика в опасности», заставили Совещание незначительным

¹ См. «Вступительные замечания и пояснения». — *Дж. Рид*.

большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание чего-то вроде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием «Временный Совет Российской республики». В новом правительстве всем заправляли фактически представители имущих классов, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК больше не представлял рядовых депутатов Советов и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК был весьма далек от того, чтобы созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган «Известия» начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена и что, быть может, они скоро будут распущены... В то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация «безответственных организаций», то есть Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Российской республики, заявив, что не хотят принимать участия в «правительстве народной измены».

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно нагтели. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего кон-

троля над производством — фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле слышным голосом:

«Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы — это те люди, которые ждут благоприятного момента для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом торга между империалистическими группами... Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно... И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты¹, которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире...»

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики...

На словах все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 года Петро-

¹ Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так после международной конференции, которая была созвана в 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). — *Дж. Рид*.

градский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники созвали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, и вот она была назначена на 10 ноября (28 октября).

Временное правительство намеревалось послать на эту конференцию двух представителей: генерала Алексева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы, со своей стороны, избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый *наказ*, который должен был служить ему инструкцией. Временное правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: «Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения...»

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: «Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!»

Я отправился за реку, в цирк «Модерн», на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до самого потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряженным вниманием, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! — кричал он, и его истощенное лицо и отчаянная жестикация выражали самую неподдельную боль. — Люди, стоящие наверху, все время

призывают нас к новым и новым жертвам, а тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...

Солдат говорит: „Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелями“.

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц — всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил: «Мы слабы, у нас осталось всего по несколько человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию...»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады: «Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться...»

Между тем из Европы приходили слухи о мире за счет России...

26 (13) октября я отправился в Мариинский дворец, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна, истощенная войной и жаждавшая мира.

Высокий, безукоризненно одетый и выбритый молодой человек с выдающимися скулами тихим голосом читал свою тщательно составленную и ни к чему не обязывающую речь. Ничего... Все те же общие места о сокрушении германского милитаризма в тесном единении с доблестными союзниками, о «государственных интересах России», о «затруднениях», созданных скобелевским наказом. Терещенко закончил следующими словами, составлявшими суть его речи:

«Россия — великая держава. Россия останется великой державой, что бы ни случилось. Мы все должны защищать ее, мы должны показать себя защитниками великого идеала и сынами великой державы».

Тем временем на заднем плане российской политики начали вырисовываться очертания достаточно зловещей силы — казаки. Газета Горького «Новая жизнь» обратила внимание читателей на их деятельность:

«Во время февральских дней казаки *не* стреляли в народ, во время Корнилова они *не* присоединились к изменнику...

За последнее время их роль несколько меняется: от пассивной лояльности они переходят к активному политическому наступлению...»

Атаман донского казачьего войска Каледин был уволен Временным правительством в отставку за участие в корниловском заговоре. Он наотрез отказался покинуть свой пост и засел в Новочеркасске, окру-

женный тремя огромными казачьими армиями, готовил заговоры и грозил выступлением. Сила его была так велика, что правительству пришлось смириться с этим актом неповиновения. Мало того, оно было вынуждено формально признать Совет союза казачьих войск и объявить вновь образованную казачью секцию Советов незаконной.

В начале октября к Керенскому явилась делегация казаков, которая нагло потребовала прекращения нападок на Каледина и упрекала главу правительства в том, что он потакает Советам. Керенский согласился оставить Каледина в покое и, как сообщалось, при этом сказал: «Руководители Совета считают меня деспотом и тираном... Что до Временного правительства, то оно не только не опирается на Советы, но весьма сожалеет, что они вообще существуют».

В это же время другая казачья делегация явилась к английскому послу и в разговоре с ним прямо называла себя представителем «свободного казачьего народа».

На Дону образовалось нечто вроде казачьей республики. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. В Ростове-на-Дону и в Екатеринославе вооруженные казаки разогнали Советы, а в Харькове разгромили помещение профессионального союза горняков. Казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи, его поддерживали крупные московские коммерсанты и банкиры.

Старая Россия быстро разваливалась. На Украине и в Финляндии, в Польше и в Белоруссии усиливалось националистическое движение. Местные органы власти, руководимые имущими классами, стремились к автономии и отказывались подчиняться распоряже-

ниям из Петрограда. В Гельсингфорсе финляндский сейм отказался брать у Временного правительства деньги, объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. Буржуазная рада в Киеве до такой степени раздвинула границы Украины, что они включили в себя богатейшие земледельческие области Южной России, вплоть до самого Урала, и приступила к формированию национальной армии. Глава рады Винниченко поговаривал о сепаратном мире с Германией, и Временное правительство ничего не могло поделать с ним. Сибирь и Кавказ требовали для себя отдельных учредительных собраний. Во всех этих областях уже начиналась ожесточенная борьба между местными властями и Советами рабочих и солдатских депутатов.

Хаос увеличивался изо дня в день. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и стали двигаться по стране огромными, беспорядочными волнами. В Тамбовской и Тверской губерниях крестьяне, уставшие ждать земли, доведенные до отчаяния репрессивными мерами правительства, жгли усадьбы и убивали помещиков. Громадные стачки и локауты сотрясали Москву, Одессу и Донецкий угольный бассейн. Транспорт был парализован, армия голодала, крупные городские центры остались без хлеба.

Правительство, раздираемое борьбой между демократическими и реакционными партиями, ничего не могло сделать. Когда оно все-таки оказывалось вынужденным что-то предпринять, его действия неизменно отвечали интересам имущих классов. Высылались казаки для водворения порядка в деревнях, для подавления стачек. В Ташкенте правительственные власти разогнали Совет. В Петрограде Экономическое совещание, созданное для восстановления подорванной экономики страны, зашло в тупик: оно не могло разрешить непримиримого противоречия между трудом

и капиталом и в конце концов было распущено Керенским. Старорежимные офицеры и генералы, поддерживаемые кадетами, требовали жестоких мер для восстановления дисциплины в армии и флоте. Всеми почитаемый морской министр адмирал Вердеревский и военный министр генерал Верховский напрасно твердили, что спасти армию и флот может только новая, добровольная, демократическая дисциплина, основанная на сотрудничестве командного состава с солдатскими и матросскими комитетами. Их никто не слушал.

Реакционеры, казалось, решили нарочно вызвать ярость в народе. Приближался день суда над Корниловым. Буржуазная пресса все более и более откровенно защищала его, говоря о нем как о «великом русском патриоте». Бурцевская газета «Общее дело» требовала установления диктатуры Корнилова, Каледина и Керенского.

С Бурцевым я однажды говорил в ложе прессы Совета Российской республики. Маленький сгорбленный человечек с морщинистым лицом, с близорукими глазами за толстыми стеклами очков, с неопрятной копной волос на голове и седеющей бородой.

«Запомните мои слова, молодой человек! России нужна сильная личность. Пора бросить все думы о революции и сплотиться против немцев. Дураки, дураки допустили, что разбили Корнилова; а за дураками стоят германские агенты. Корнилов должен был бы победить...»

23 (10) октября в Рижском заливе произошло морское сражение с германской эскадрой. Под тем предлогом, что Петроград в опасности, правительство составляло планы эвакуации столицы. Сначала должны были быть вывезены и размещены по всей России крупные заводы, работавшие на оборону, а затем само пра-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к американскому изданию. <i>В. И. Ленин</i> . . .	5
Предисловие к русскому изданию. <i>Н. К. Крупская</i> . . .	6
Предисловие. <i>Дж. Р.</i>	8
Вступительные замечания и пояснения	15
Глава I. Общий фон	28
Глава II. Рождение бури	45
Глава III. Накануне	71
Глава IV. Конец Временного правительства	104
Глава V. Неудержимо вперед!	144
Глава VI. Комитет спасения	181
Глава VII. Революционный фронт	206
Глава VIII. Контрреволюция	227
Глава IX. Победа	252
Глава X. Москва	278
Глава XI. Завоевание власти	294
Глава XII. Крестьянский съезд	326

Рид Дж.

Р 49 Десять дней, которые потрясли мир / Джон Рид ; пер. с англ. А. Ромма. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-14244-2

Джон Рид — американский журналист, социалист. Прибыв в Петроград в августе 1917 года, он оказался в самом эпицентре революционных катаклизмов. Книга «Десять дней, которые потрясли мир» — это, безусловно, определенный взгляд на происходившие в России события — взгляд человека, романтично и искренно увлеченного идеями коммунизма. И в то же время это бесценный исторический документ и памятник ушедшей эпохи — ряд ярких сцен, выхваченных из жизни и позволяющих ощутить атмосферу тех дней. Вскоре после написания книги Джон Рид умер от тифа и с почестями был похоронен у Кремлевской стены — как один из героев новой России. В 1922 году его книга была издана с предисловием В. И. Ленина, где вождь мирового пролетариата писал: «Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида „Десять дней, которые потрясли весь мир“, я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РИД ДЖОН
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ,
КОТОРЫЕ ПОТРАЯСЛИ МИР

Редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Евгения Волнобаева, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.01.2018. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-22464-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/